

НЕИЗДАННАЯ СТАТЬЯ В. В. БЕРВИ-ФЛЕ- РОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ»

Предисловие Л. Каменева

Комментарии Л. Добровольского

МАРКС О ФЛЕРОВСКОМ

Публикуемая статья Флеровского, написанная в 1869 г. для журнала «Дело», но оставшаяся в рукописи вследствие запрещения, наложенного на нее цензурой, непосредственно связана с той оживленной полемикой, которая вызвана была в русской печати появлением его знаменитой книги «Положение рабочего класса в России» (1869 г.). Книга эта в свое время оказала сильное влияние на теорию и практику революционной молодежи и имела громадное пропагандистское значение. Всего лучше оценить это значение книги Флеровского можно на основании слов одного из его современников, видного участника революционного движения 70-х годов, О. В. Аптекмана.

«Как современник, — пишет Аптекман, — я без преувеличения могу засвидетельствовать, что появление этой книги было призывным набатом, раздавшимся неожиданно в тиши глубокой ночи: — спящие, проснитесь! Все мыслящее общество встрепенулось, а особенно молодежь. Она, молодежь, получила именно ту книгу, которой она ждала от Берви, — книгу, раскрывшую ей глаза на тогдашнюю русскую действительность, книгу о народе, об обожаемом народе, о его жизни, экономическом положении, взглядах и идеалах. Молодежь была потрясена до глубины души»¹.

В другом месте своих воспоминаний о революционном движении 70-х годов Аптекман проводит весьма любопытную параллель между ролью, которую сыграла в тот момент книга Лаврова «Исторические письма» и книга Флеровского:

«Обе книги читались одновременно, обе действовали на нас неотразимо. Параллель почти насильно навязывается. «Исторические письма» — наш «символ веры», указывавший нам путь к «прогрессу», будивший нашу «критическую мысль», формировавший в известной мере наше мировоззрение, утверждавший нашу «личность», «прогресс творящую личность». «Положение рабочего класса» же ярко выпуклым, конкретным содержанием его, богатством и разнообразием красок, выхваченных из самой гущи народной жизни, кровью сердца автора написанными страницами будило наше чувство, заставляло биться наше сердце, возбуждая в нас беззаветную преданность и любовь к народу. «Письма» стимулировали наш ум, давали синтез, философию жизни, «Положение рабочего класса» давало конкретные факты действительности, «кричащие», зовущие на помощь. Одно дополняло другое, оба одинаково действовали на нас, подготавливали нас к борьбе за лучшие идеалы жизни; оба в конечном счете подготавливали нас к предстоящей революционной деятельности, когда наступила пора»².

Характерно в этом показании свидетельство того, что книга Флеровского действовала не своими теоретическими построениями, а своими конкретными данными, «выхваченными из самой гущи народной жизни», тем, что давала «конкретные факты, кричащие, зовущие на помощь». О том, какого рода был конкретный материал, сконцентрированный в книге Флеровского, каков был ее основной тон, лучше всего напомнить

¹ О. В. Аптекман, В. В. Берви-Флеровский, «Колос», Л., 1925, стр. 165.

² О. В. Аптекман, Общество «Земля и Воля» 70-х гг., «Колос», П., 1924, стр. 75.

современному читателю словами самого Флеровского. Рассказывая в своих воспоминаниях о работе над изучением положения рабочего класса в России, он писал:

«Чем больше я вникал в это дело, тем более жизнь рабочего народа рисовалась передо мною в мрачных красках; все оптимистические уверения, что в России рабочему живется лучше, чем в Западной Европе, что у нас нет пролетариата и т. д., разлетелись в прах. У нас привыкли кричать об английском сельском пролетариате, об ужасающей бедности в больших городах.

Я убеждался, что Россия — страна повального пауперизма; что выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится.

Безучастие к страданиям рабочих людей превосходило все, что можно было встретить в Западной Европе. На Западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны и несчастны. Чем усерднее я занимался этим предметом, тем более овладевал мною энтузиазм; наконец я вполне отдался ему. Я жил страданиями этого народа, я желал на самом деле испытать всю трудность его положения, чтобы изображать его во всей его реальности. Я помнил, какое сильное впечатление на меня производили описания страданий ирландского народа, и вот мне пришлось убедиться, что бедствия русского рабочего несомненно значительнее. Для того чтобы найти ему подобие, надо было отправиться в Индию»¹.

Сейчас цитированные слова Флеровского подводят нас очень близко к пониманию той высокой оценки, которую дал его книге К. Маркс.

«Положение рабочего класса в России» было первой русской книгой, которую не только прочел, но и внимательно изучил автор «Коммунистического манифеста». Он оценил в ней прежде всего именно собранные и описанные Флеровским «конкретные факты действительности» и вместе с тем тот сокрушительный удар, который эти факты наносили оптимистическим уверениям, что в России рабочему живется лучше, чем в Западной Европе, что у нас нет пролетариата» и т. д. Эти оптимистические уверения лежали в основе тех герцено-бакунинских построений, которые приписывали крестьянско-общинной России особый путь развития, давали ей роль обновителя упершейся в безвыходный тупик, безнадежно загнившей европейской цивилизации. Эти же оптимистические уверения входили необходимой составной частью в идеологию, и — что еще важнее — в практику российской дворянской монархии.

Маркс и Энгельс вели, начиная уже с 1848 г., неустанную разоблачительную кампанию против всего комплекса этих идей, которые в лучшем случае оценивались ими как реакционный утопизм, в худшем — как простое идеологическое прикрытие «жандармской» роли русского царизма на международной арене. Но вплоть до книги Флеровского в их распоряжении не было того конкретного, на русской почве собранного материала, который мог бы служить им твердой опорой в этой борьбе. Книга Флеровского давала этот материал, и в отзывах Маркса о ней звучит явная готовность использовать ее как полезное оружие в борьбе против панславизма, в частности против Герцена, который являлся в тот момент наиболее авторитетным представителем русской мысли в среде европейской демократии. В связи с этим в окружении Маркса и на основании его отзывов являлась даже мысль о переводе книги Флеровского на один из европейских языков².

«Из книги Флеровского, — писал Маркс Энгельсу 10 февраля 1870 г., — я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Человек этот — решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Флеровский превосходит все ожидания... Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторон-

¹ Н. Флеровский, Три политические системы, изд. Фонда Вольной русской прессы, Лондон, 1897, стр. 260.

² Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 298.

ГЛАВА I.

Работники бродяги.

«Ох, плохое наше житье — слышится повсюду во средней России. — земля у нас малая, оброки большие и повернулись как не знаем; вот из Саратовской губернии или из Пермской, — там житье, земля много, наша сколько хочешь, там и умерать не надо». Хотелось посмотреть на Запорожье из восточной России, но лишь только забрался из самого сердце Пермской губернии, услышал ту же песню: «плохое наше житье, вот из Губовской губернии там житье, так житье там и земля никогда не кончается». Спустился из Губовскую губернию, но там оказывается тоже плохое житье и слышится Гомельский округ: «там же и земля хорошая и земля не кончается». Но а в Гомельском округе крестьянские описывают свою горькую участь: «здесь земля легкая, не плохоская, — говорят они, — земля суровая, ничего не растет; вот в Буинском и Бийском округе там богатство, и хлеб, и мед, и лось — все изобилие». Добрался я до Буинского округа — и что же? хотя бы и встретилась такая повесть своего судьбы. «Зачем и дети те у нас рождаются, — кричат матери в одну толпу — пусть бы они умирали скорее, нам бы легче было». Гля же хорошо? спрашиваю я, наконец, из недовольства: «В восточной Сибири, там хорошо», отвечают мне. Но германские крестьяне своего претла, а не втрое больше рабочему человеку, а начинаю распространять образованием сословие... Оказывается совершенно наоборот, а слышу тут один страшнейший ржан. «У нас — говорят — не то, что в Англия или в западной Европе, у нас нет пролетариата, здесь народ беденствует». В восточной России полагали еще больше. «у нас здесь все дешево, — говорят мне — и хлеб, и мясо, у нас здесь народ не умирает

ПОМЕТКИ КАРЛА МАРКСА НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ КНИГИ В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО
«ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»

С фотокопии, хранящейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина
Пометки Маркса наполовину срезаны при переплетении книги

ник общинной собственности), никакой нигилистической утрировки. Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи, которая вполне соответствует, однако, уровню развития тех людей, для которых предназначается книга. Во всяком случае это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии»... Теперь будет очень кстати, если ты пошлешь мне фантастические измышления гражданина Герцена»¹.

Высокая оценка книги Флеровского как источника правдивых сведений об экономике России, как противостояния против «русского оптимизма» (т. е. мессианистических мечтаний об особых путях развития России без капитализма и пролетариата) и «фантастических измышлений» Герцена сочетается в этом отзыве с весьма невысокой оценкой теоретических элементов книги. Правда, в данном случае Маркс лишь отмечает дозу «благодушной чепухи» в теоретических взглядах Флеровского. Но уже в следующем отзыве о книге Флеровского, в письме к членам русской секции Интернационала в Женеве, Маркс, характеризуя Флеровского как «серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика и мощного художника», тут же прибавляет, что его книга, «в некоторых местах не удовлетворяет критике с точки зрения теоретической». Эти слова — весьма смягченное по тактическим соображениям выражение подлинной оценки Марксом теоретических элементов работы Флеровского. Доказательство — отметки Маркса на полях читанного им экземпляра книги Флеровского.

Эти отметки сохранились и воспроизведены на стр. 373—378 книги IV «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». Тщательно выделяя, подчеркивая и отчеркивая в своих отметках все конкретные, самые детальные данные Флеровского о положении пролетаризирующегося крестьянства и мещанства (это — основное содержание его исследования), Маркс в то же время не скупится в них на самые отрицательные характеристики тех мест книги, где Флеровский пытается теоретизировать, излагать свои общие взгляды на социальный вопрос. Особенно резки отметки Маркса против тех строк книги, где Флеровский развивает свои идеи о «товариществе» капиталистов и рабочих как о том строе, который должен сменить систему найма. Натываясь на подобные места, Маркс неизменно отмечает: «Старая иллюзия!», «Повторение Прудона!», «Бессмыслица», «Фантастическая болтовня», наконец — в ряде случаев: «Осел!»

Не менее выразительны и отметки Маркса на последних, заключительных страницах книги, в которых Флеровский попытался дать как бы сводку своих теоретических взглядов. С особым неодобрением отметил Маркс на этих страницах как раз те строки Флеровского, которые последний воспроизводит и в печатающейся ниже статье, объявляя их основной мыслью всей своей работы. Вот эти строки:

«Не подлежит никакому сомнению, что не только наши славянские соседи, но весь мир обратил бы на нас внимательные и любопытные взоры, если бы он увидел у нас, что и высшие, и низшие слои общества направились к одной цели и ищут своего счастья на одном пути, если бы он получил через нашу жизнь осязательное доказательство, что разлад общественных классов не есть природная необходимость, а есть искусственное произведение его цивилизации».

Выведенный наконец из себя этой теоретической путаницей и убожеством Маркс в своей последней отметке на книге Флеровского пишет: «C'est serieusement naïf!», что без большого огрубления можно перевести словами: это фундаментально глупо!

Сводка отзывов Маркса о книге Флеровского дает таким образом ее исчерпывающую характеристику. С одной стороны, это — «труд серьезного наблюдателя», «человека, возмущенного против гнета во всех его видах и страстно делящего все страдания производительного класса». Отсюда прогрессивная, революционизирующая роль его книги, так рельефно описанная в вышеприведенных воспоминаниях О. В. Аптекмана. С другой стороны, в области теоретической — это произведение величайшего идейного путаника, наивнейшая помесь прудонизма и остатков фуриеизма со славянофильством. В том виде, в каком эта «нищенская идейная похлебка» преподносилась в конце 60-х годов Флеровским, она знаменовала глубокое падение теоретического уровня

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 286—287.

тогдашнего революционного движения: это был громадный шаг назад от учения Чернышевского.

Все эти черты должны были особенно рельефно сказаться в тот момент, когда Флеровский попытался выступить не как исследователь и собиратель конкретных данных о положении русских трудящихся масс, а в качестве теоретика социализма против буржуазного либерализма. Печатаемая ниже статья Флеровского против буржуазных либералов «Вестника Европы» тем и любопытна, что она хорошо характеризует один из моментов борьбы «социалистической» и либеральной мысли в русском обществе.

Статья эта проникнута подлинным недоверием и глубокой ненавистью к политическим тенденциям русской буржуазии. Разоблачение своекорыстных интересов последних сделано Флеровским весьма красноречиво. Его призыв, обращенный к трудящимся массам по поводу либералов: «Не верьте им, они вас обманут!» — превосходен. Здесь чувствуются уроки 1848 г., традиции герценовских «Писем из Италии и Франции» и статей Чернышевского. Эти строки писал действительно «человек, страстно делящий все страдания производительного класса», как сказал о Флеровском Маркс.

Но что противопоставляет автор классовым притязаниям, своекорыстию и фарисейству буржуазных либералов? Тут-то и выступает наружу вся идейная бедность «русского социализма» Флеровского, вся его программная и тактическая убогость.

Все его вооружение исчерпывается идущей от Прудона идеей о гармонии классовых интересов и идущей от старых утопистов, в частности от Фурье, мыслью о том, что борьба в современном обществе «зависит от того, что каждый отдельный человек, целые классы и, наконец, все общество имеют совершенно неверное понятие о своем личном счастье». Главная задача, — вполне логично заключает из этих своих основных посылок Флеровский, — состоит в том, чтобы, «действуя на общественное мнение, составить во всех слоях общества такое воззрение на свое счастье, которое сделало бы интересы всех солидарными». Так грозные разоблачения классового своекорыстия буржуазии завершаются самым плоским морализированием, худосочными надеждами уговорить буржуазию — ради собственного счастья! — слить свои интересы с интересами широких народных масс. Такой «социализм» не представлял ни малейшей опасности для буржуазии. Но это конечно и не было ни в какой мере социализмом. На деле теоретические построения Флеровского, как и ряд других одновременных теоретических построений, были только формой вызревания демократической мысли, которая, отражая интересы различных групп крестьянства, находилась в реальном противоборстве с «прусскими» тенденциями либеральной русской буржуазии и обуржуазившегося дворянства.

К Флеровскому целиком относится ленинская характеристика народничества как «теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма прусского (Собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 124). Историческая роль его работ исчерпывается классической формулой Ленина: «Народническая утопия — выражение стремления трудящихся миллионов мелкой буржуазии совсем покончить со старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда «заодно» устранить эксплуататоров новых, капиталистических» (там же, стр. 357).

Рассматриваемая с этой точки зрения полемика Флеровского с «Вестником Европы» является уже не только любопытным литературным эпизодом, не только наглядным образчиком слабости идейного вооружения русского народничества, но и одним из симптомов реальных классовых противоречий, характерных для России на другой день после «дворянской» реформы 1861 г. Эта реальная подоплека живых социальных противоречий особенно ясно ощущается в тех местах статьи Флеровского, где он, оставив рассуждения об условиях «всеобщего счастья», клеймит использование либеральным дворянством новых (земских и т. п.) учреждений для укрепления своей власти над крестьянством.

А. Каменев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ

(ПО ПОВОДУ РАЗБОРА «ВЕСТНИКОМ ЕВРОПЫ» КНИГИ Н. ФЛЕРОВСКОГО «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»)

Когда я прочел в «Вестнике Европы» разбор моей книги «Положение рабочего класса в России», я, с первого раза, не нашел в нем ничего интересного, ни одного факта, который бы представлял дело в другом виде, чем у меня, ни одного рассуждения, которое заставило бы меня подумать, не ошибся ли я, не получает ли то, что я говорю, другой вид, если посмотреть с другой стороны. С начала до конца — это умышленно выставляемое напоказ пристрастие, это голословные приговоры, произносимые с высоты самозванного величия. Что тут отвечать? Если один человек обратится к другому и скажет ему: «ты все врешь — ты осел!» — что может ответить этот другой? Доказывать, что он не осел, принадлежит к двуруким, а не к однокопытным? Но неужели же такая явная ложь требует опровержения? Есть вещи, которых опровергать невозможно, и ни один справедливый человек не потребует, чтобы они были опровергаемы. Вот заключение, к которому я пришел, когда посмотрел на критику «Вестника Европы», как на разбор моей книги. Но совсем другие мысли пришли мне в голову, когда я стал смотреть на нее, как на поступок, характеризующий взгляд на вещи «Вестника Европы», его читателей и всех тех, которые стоят за этими читателями. Это поступок, который показывает, как они смотрят на свою задачу, и не только на свою задачу вообще, но в особенности по ее отношению к русской жизни. Я почувствовал, что с этой точки зрения молчать для меня невозможно, дело касается не моего интереса, не интереса моей книги, а русского общества. Я почувствовал, что на мне лежит тяжелая обязанность, потому что, за то, что я буду говорить, на мне будет лежать тяжелая ответственность перед судом мыслящих людей общества. Я тщательно должен буду взвешивать каждое свое слово, и если сделаю ошибку, то не буду в состоянии никогда ее себе простить. Слова, сказанные обществу, это слова полновесные, в особенности если они касаются самых существенных, самых святых его интересов, ошибки тут не выкупаются никакими индульгенциями, от них не отмолишься никакими земными доклонами.

Вышла книга «О положении рабочего класса в России». Какая цель этой книги? Ее цель — доказать, что у разных слоев русского общества, точно так же как и всякого общества, нет неизбежно противоположных друг другу интересов, что каждый из этих слоев, стремясь, при правильном понимании своих интересов, к своему наибольшему счастью, в то же время будет способствовать наибольшему счастью всех других. Если мы теперь видим, что разные кружки общества видят свой интерес и увеличение своего счастья в том, что уменьшает счастье других, то это только потому, что в среде их общества существует неправильное понятие об истинном своем счастье, что такое же неправильное понятие распространено во всем обществе, что человек вырастает в глазах всего общества и своего кружка тогда, когда поступает дурно и во вред другим, и, напротив, он падает в глазах общества и своего кружка тогда, когда он поступает хорошо. Тут доказывается, что солидарность между людьми зависит исключительно от правильного взгляда на свое счастье, а разобщенность — от того, что каждый отдельный человек, целые классы и наконец все общество не только имеют совершенно неверное понятие о своем личном счастье, но до того безтактны, что человек тем более возвышается в их мнении, чем он вреднее для них же самих. Одним словом, узкий взгляд общества и отдельных кружков — вот главный или даже, правильнее сказать, единственный источник, из которого выходят противоположные интересы. Это явление приводит к

самым плачевным последствиям, оно волею или неволею делает из отдельных людей вредных членов общества, оно порождает в нем искусственные потребности. Так как общество возвышает людей в своем мнении не за полезное, а за вредное, то отдельные кружки требуют от своих членов такую вредную, но возвышающую их в глазах кружка деятельность, и отдельный человек подвергается страданиям, если он захочет быть полезным, и, напротив, делается счастливым, как скоро он решится быть вредным. Но это же самое и указывает нам и на путь, которым мы должны лечить общество от ненормального состояния и от вредной деятельности его членов: мы должны всеми силами устанавливать в обществе правильный взгляд на счастье. Указать на условия этого счастья — вот цель книги. Автор глубоко убежден, что такую же цель отыскания счастья, приводящего к солидарности интересов, должен поставлять себе всякий публичный писатель; мало того: ни один писатель не имеет права на внимание общества, если он выступает на публичную арену во имя какого-нибудь отдельного или узкого, а не общего интереса. Интересы общества солидарны; если кто-нибудь, имея узкий, частный интерес, не додумался еще до того, как согласить этот интерес с интересом общим, с наибольшим развитием и счастьем всего общества, какое же он имеет право на то, чтобы общество его слушало? Какая польза может произойти от того, что общество будет его слушать? Общество может действовать только во имя общего интереса, всякий другой образ действий с его стороны — тирания; всякий раз, когда оно жертвует общим благом для частного и узкого интереса, оно тиранизует.

Желая убедить в этом своих сограждан, автор написал книгу, которая стоила ему немало труда. Он старался показать своим согражданам, как важно для них отыскать то счастье, которое может сделать их интересы солидарными. «Когда я обдумываю наше политическое и социальное положение, — говорит он на стр. 473, — когда я смотрю на то, как мы волочимся в хвосте европейской цивилизации, когда мне приходит на ум сравнение с Персией, которая подобно нам была велика и погибла оттого, что она подобно нам волочилась в хвосте цивилизации, — я вижу для нас один исход — это осуществление великой идеи, за выполнение которой еще никто не брался. Не подлежит никакому сомнению, что не только наши славянские соседи, но весь мир обратил бы на нас внимательные и любопытные взоры, если бы он увидел у нас, что и высшие и низшие слои общества направились к одной цели и ищут своего счастья на одном пути, если бы он получил через нашу жизнь осязательное доказательство, что разлад общественных классов не есть природная необходимость, а есть искусственное произведение его цивилизации».

Как же поступает после этого с автором критика «Вестника Европы»? Она изливает на него свою желчь, говорит, что его труд не имеет права называться серьезным трудом, хотя вынуждена сознаться, что в книге собрана масса данных, взятых отчасти из наблюдения, а отчасти из редких и специальных сочинений; она старается сделать автора смешным в глазах своих читателей, и в то же время о главной цели сочинения она не говорит ни одного слова, не делает даже ни одного намека. Почему же это? Почему бы, кажется, органу, претендующему на какой-то либерализм, сердиться на то, что человек предлагает обществу сделать интересы свои солидарными? Но, может быть, самая идея плоха, тогда задача критики нетрудная: изложить ее правильно и верно, как она высказана автором, и доказать ее несостоятельность. Чтобы уничтожить значение книги, — самое лучшее разрушить основные ее мысли. Во всяком случае первое дело критики разъяснить основные мысли сочинения, оставляя в них справедливое и разрушая ложное. Почему критика «Вестника Европы» не только

не сосредоточивает на них своего внимания, но даже тщательно старается не упоминать об них? Как она избегает этого упоминания, видно, например, из следующего. В одном месте автор доказывает солидарность высших и низших классов тем, что развитие промышленности и цивилизация общества зависят от степени зажиточности рабочего класса. Собственно говоря, такая идея не требует даже доказательств. Дикари из новой Голландии, которые ходят голыми и питаются ящерицами, не могут послужить основанием ни для промышленности, ни для цивилизации: для этого нужен ловкий и развитой рабочий, а он может явиться только там, где заработная плата высока. Между тем даже и эту простую идею «Вестник Европы» боится сообщить своим читателям, а приводит только некоторые частности и то неверно и, ничем не опровергая, прямо говорит с грозным авторитетом, что все это неправда. Интересно при этом обращение «Вестника Европы» со

своими читателями. Книга, которая уважает своих читателей, доказывает свои положения фактами, или ничего не говорит, или говорит фактически, но «Вестник Европы» не таков: он смотрит на своих читателей, как на баранов. Стоит ли им доказывать? Крикнул на них, они и пошли, куда надо. Говорят вам, что вздор, какие вам тут еще доказательства? При таком мнении о своих читателях не мудрено, что он скрывает от них идеи, которые ему не нравятся. Ну, если в самом деле они сдуру-то пленятся этим запрещенным плодом? Поэтому он благоразумно ограничивается различными прицепками и отыскивает мелочные противоречия, но и тут-таки он опять действует самым униженным образом для своих читателей. Он в них предполагает столько же невежества, сколько и ограниченности. Когда я доказываю, что нечего стремиться населять у нас крайний север и Архангельскую губернию, я в доказательство невозможности густого там населения говорю, что и английские северные владения также пустынные, — ясно, что тут идет речь о владениях, прилегающих к Ледовитому океану; затем, в другом месте, я говорю о быстрой увеличении населения в Канаде — «Вестник Европы» торжественно указывает на это, как на противоречие, в полном убеждении, что его читатели не подозревают о существовании разницы между побережьем большого Медвежьего озера и Канадою.

Мало того, что «Вестник Европы» тщательно скрывает от своих читателей мои идеи, он пользуется случаем, чтобы пропагандировать свои, а в том-то именно и есть суть дела. Он говорит, что у меня приблизительно только и есть справедливого то, что я говорю по вопросу о податях, да и то справедливо только настолько, насколько уже давно говорилось об нем в печати, и прибавляет: «Если бы общество получило возможность разработать этот вопрос через своих представителей, то дело пошло бы успешнее, чем разработка его посредством комиссий чиновников». — Так вот

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ

С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР

что вам надо, — вам надо влияния, власти. Но как же вы хотите приобрести это влияние, когда вы отвергаете общее благо, солидарность интересов общества, когда вы не понимаете или прикидываетесь не понимающими этой солидарности, когда вас книга взбесила потому, что она говорит с начала до конца, что мы серьезно должны думать и усердно делать все зависящие от нас усилия, чтобы сделать наши взаимные интересы солидарными? Вы не хотите войти душою и телом в общество, вы не хотите делить его горе и радость, вы хотите жить узкой жизнью своего кружка, а хотите влияния и власти над обществом. Ведь вы очень хорошо знаете, что то, что вы называете представителями общества, — это вы и ваши, что масса народа тут не будет иметь никакого или почти никакого значения, точно так же, как она теперь не имеет значения в земстве, что интеллигенция труда точно так же не будет его иметь, как не имеет его в земстве, что все достанется вам и вам одним. Как же вам не стыдно было так нагло выставить знамя вашего презрения к нашим интересам, вашего отсутствия солидарности с нами и потом требовать себя влияния и власти!

Вышел человек из среды образованного общества и говорит: «Братья, раскройте самую благородную, самую возвышенную сторону вашего сердца и дайте к ней доступ страданиям народа, напитаите душу вашу великими чувствами любви, поймите, что жизнь образованного человека пополняется счастьем не через богатство и роскошь; увеличение материальных благ может действительно увеличивать счастье, только пока оно удовлетворяет самым необходимым потребностям, только счастье рабочего может увеличиваться таким образом. Чем далее эти блага переходят за этот предел, тем более нужно усилий, чтобы увеличить счастье даже в самых малых размерах, но и это увеличение уже чисто условное, это искусственная потребность — человек наслаждается роскошью не потому, что она удовлетворяет действительной потребности, а потому, что она его возвеличивает на глазах других, но это желание вырасти в глазах общества не достается ему даром, оно убивает в нем нравственную сторону, способность к мировой жизни, самый богатый, даже единственный неисчерпаемый источник счастья за пределами материальной нужды, — не поощряйте же искусственные потребности ложным общественным мнением вашего кружка, не уменьшайте же собственного вашего счастья и вместе с тем счастья всего народа! Поймите солидарность интересов в человеческом обществе, посмотрите на страны застоя, на индийских раджей и персидских шахов, разве они счастливее оттого, что они держат народ в гнетущей бедности, а сами наслаждаются в праздности, и любовницы их ходят в туфлях с драгоценными камнями? Грубые, бессмысленные невежды, они ведут жизнь, в сравнении с которой жизнь самого бедного образованного человека — неисчерпаемый источник благополучия. Раскройте же ваши сердца для нужды народной, установите солидарность интересов, и мы все будем счастливее. Наше отечество будет идти во главе человеческой цивилизации, и мы исполним великое наше предназначение. Вспомните, как счастлив был афинянин тем, что вел за собою весь античный мир, как счастлив и горд был англичанин, когда он встал во главе цивилизации, как счастлив и горд теперь американец. Неужели не стоит труда увеличивать свое собственное счастье, расширяя свой взгляд на жизнь, и вместе с тем достигнуть такого великого результата для своего отечества». Так говорит он образованным людям, а либеральное общество через уста «Вестника Европы» ему в ответ: «Кого вы хотите убедить такой болтовней, в которой что ни слово, то неправда, все это вздор, нам надо одного — влияния и власти».

На что это похоже? А вот на что. Несколько лет тому назад английское правительство обратилось к королю Дагомеи и говорит ему:

«Зачем вы разоряете себя и ваших соседей, зачем вы с вашим народом ведете праздную жизнь и занимаетесь своими набегами и торговлей пленными, которые при этом вами забираются? Прекратите торговлю невольниками, заставьте ваших воинов производить хлопчатую бумагу, и вы получите в десять раз больше дохода, чем теперь». А король Дагомеи отвечает ему: «Кого вы хотите убедить такой болтовней, в которой что ни слово, то неправда? Вы скажите лучше вашей королеве, чтобы она запретила торговлю невольниками всем моим соседям, а мне прислала бы как можно более пороку и ружей, тогда я буду могущественный государь и водворю здесь порядок. Вот что теперь нужно сделать».

Но вы, «Вестник Европы», еще далеки от положения короля Дагомеи, хотя и сходитесь с ним по своим убеждениям. Вы еще не имеете политического влияния, вы еще только хотите его приобрести и уже отвергаете свою солидарность с нами и со всем народом, злобно кричите на тех, которые говорят о народной нужде. Наперекор очевидной истине утверждаете, что русский рабочий не беднее английского. Вы не постыдились попрекнуть народ его заграничным вывозом, хотя вам очень хорошо известно, что весь этот вывоз производится для уплаты оброков и сборов и народ через это вовсе не богатее. Из кого же после этого может состоять ваша партия? Рабочий класс к ней не может принадлежать, трудящаяся интеллигенция также. Между интеллектуальной деятельностью и материальной работой существует самая тесная связь, — говорится в предисловии к книге, которую вы разбирали. Люди, которые считают для себя выгодным накладывать руки на материальный труд, будут врагами и интеллектуальной деятельности: рабовладельцам не нужен агроном и еще менее нужен юрист; чем более фабрикант имеет власти над рабочим и над публикой посредством низкой заработной платы и протекционной системы, тем менее для него необходимы техник и политико-эконом, он тогда не ищет честного и знающего чиновника и судью, а ему надо невежественного взяточника, которого легко подкупать и заставлять сечь и притеснять рабочих. Интеллектуальный работник тогда только будет нужен капиталисту и землевладельцу, когда из капитала и из земли нельзя будет извлекать дохода в ущерб работникам и в ущерб покупателям произведений, а когда для этого нужно будет возвышать производительную силу капитала и труда. Отвергая солидарность народных интересов, говоря, что в этой идее что ни слово, то неправда, вы отталкиваете и торговый класс, потому что где рабочий класс беден, где нет производительности, там нет и торговли. Кто же останется в вашей стороне? Тысячи из числа десятков миллионов, да и между этими тысячами только те, которые не в состоянии понять, что счастье богатого и образованного человека зависит несравненно более от проявлений его образования и нравственного развития, от его мировой жизни, чем от вещей, находящихся в его обладании. Или, может быть, вы не заботитесь об общественном мнении, вы ожидаете успеха от каких-нибудь закулисных интриг и кабинетских комбинаций? Если это путь, которым вы надеетесь действовать, то мы скажем вам, что мы ожидаем от вас одного — угнетения и угнетения. Что сулят нам ваши? Не то ли, что мы уже от них видели, когда они получили самую маленькую частичку произвола? Мы видели, как пожарные страховые деньги крестьян употреблялись на жалованье помещикам, а когда сгорала деревня в самое рабочее время, когда крестьяне, оставшись без крова и хлеба, являлись в город за своими кровными деньгами, тогда денег не оказывалось и начинались проволочки. На наших глазах эти бедные люди шатались из дома в дом, собирая милостыню и запускали свои поля. Мы видели, как они со дня на день деморализовались и делались негодными людьми. Мы видели, как назначались тысячи руб-

лей жалованья за труд, которому цена много пятьдесят. Что мы можем ожидать от ваших? Сгонят они частного пристава и на его место посадят помещика, назначив ему в шесть раз большее жалованье, и будет он недоступен, как китайский император. Заигравшись в карты до шести часов ночи, он проснется на другой день только в час, а в два ему надо ехать с визитами, три дня мы будем терять целые часы, занимаясь разговорами с его лакеем, а на четвертый мы не добьемся от него ничего, потому что это противоречит интересам его приятеля. Вашего царства было по пространству без аршина вершок, а по времени без часа полчаса, а мы уже от вас довольно натерпелись муки, и сели вы нам поперец горла.

Когда-то перед городом Римом, впоследствии великим и славным, стояли враги. И зывали патриции к плебеям: идите сражаться, посмотрите, как мы гуманны и либеральны, сравните ваш город с другими городами, где народ держат в таком суровом и жалком рабстве, идите защищайте вашу отчизну. Но плебеи не пошли; можно ли было, повидимому, поступить глупее? Враги у них на носу, они готовы сжечь их город, перебить их жен и детей, их самих увести в рабство, и в такое время они вздумали заводить ссору со своими патрициями! Однако же плебеи не испугались, они все-таки не пошли, мало того, они объявили, что они желают назад царей, они потребовали от патрициев гарантий, что они будут действовать во имя общего блага, а не узких воззрений своего кружка. И вышла из этого римская свобода. После того прошли тысячи лет, и ни один образованный человек не может вспомнить об этих великих людях без глубокого чувства уважения. Не будь их, не будь афинских горцев, и не было бы современной цивилизации, не было бы ни Соединенных Штатов, ни конституционных монархий, не было бы того здания нашей культуры, которое возвышает нас над седыми государствами застоя. Эти государства застоя существовали и тогда и еще долго будут существовать, и никогда им не приходило в голову сказать своим притеснителям: «Мы не пойдем на врагов, гарантируйте нам, что вы будете действовать во имя общего блага». Если бы римляне и афиняне действовали подобно им, то Европа была бы до сих пор покрыта государствами застоя. Кто хочет быть великим, должен быть смелым и проникательным и не должен позволять себя запугивать. Наши либералы указывают нам на наших обскурантов и говорят: «Смотрите, враги у ворот Рима, они повергнут вас в азиатское варварство, бросайтесь к ним в объятия, и пусть развиваются земские учреждения и наше влияние». Но мы отвечаем: «Мы не так робки и ограничены, как вы воображаете; если вы хотите, чтобы мы примкнули к вам, то защищайте интересы всех, отстаивайте общее благо, докажите нам вашу солидарность с народом. Пока вы будете отстаивать узкий интерес одной клики, до тех пор мы не будем сочувствовать развитию вашего влияния». Конечно, плебеи могли поступить очень глупо в том положении, в которое они себя поставили, они могли потребовать невозможного, и тогда бы они погубили свой город, отдали бы на поругание своих жен и дочерей и заплатили бы рабством за свою ошибку. То же самое было бы с нами, если бы мы пожелали совершенного уничтожения умеренной либеральной партии; тогда мы или погубили бы себя, или отдали Россию на произвол обскурантам. Общество немыслимо без людей умеренных наклонностей. Люди энергические могут взвалить на плечи народа непосильную ношу, могут произвести в обществе слишком большое волнение, и тогда успокаивающее начало может вступить в свои права. Но эта умеренная партия должна точно так же защищать общее дело, солидарность всех интересов, желание умеренных людей во всех слоях общества и всех направлений, а не какую-нибудь клику, не какой-нибудь один класс; нужды всех должны быть одинаково доступны ее сердцу. Она долж-

на делать такие же искренние усилия для достижения в обществе солидарности, как и прогрессивная партия. Она должна быть честная, искренняя; выступить на арену, чтобы дать перевес частному интересу над общим, это не честно и есть признак отсутствия патриотизма. Могла ли бы подобная честная и патриотическая умеренная партия найти в моей книге что-нибудь, что могло бы возбудить в ней желчь и негодование? Главная мысль этой книги состоит в том, чтобы, действуя на общественное мнение, составить во всех слоях общества такое воззрение на свое счастье, которое сделало бы интересы всех солидарными. Что может быть легче такого образа действия? Это не есть действие через законодательную власть, суд, пени, наказания, полицию. Что может более соответствовать чувствам умеренной партии, если это действительно умеренная партия страны, а не сонм фарисеев и мытарей, для которых личные интересы выше всякого общественного блага? Но может быть эта книга сурово обходится с виновниками наших страданий, старается возбудить против них ненависть и тем произвести смуту? Вот что говорится на 451 странице книги об этих страдниках: «Этот факт имеет происхождение чисто историческое и не может быть поставлен нам в вину. Упрекать человека за то, что делали его отец и дед, без всякого сомнения несправедливо, ставить ему в вину расстройство его имения, произведенное его предками, это значит взводить на него весьма легкомысленное обвинение». Что может сказать честная умеренная партия против книги с такими взглядами? Подобная книга могла бы ожидать упрека только со стороны партии энергической, и притом упрека за излишнюю снисходительность. Но может быть книга старается возбудить легкомысленные надежды и тем ввести общество в ошибки? Как

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ

(По проекту распада «Экономический Совет» СССР «Политический распад» СССР
в Форме. II. «Самостоятельность»)

Когда я прочел в «Искусстве» разбор моей книги «Положение рабочего класса в России» — я, с первого раза, не нашел в нем ничего интересного, ни одного факта, который бы представлял для меня что-либо новое; а, следовательно, ни одного размышления, которое заставило бы меня подумать, не ошибаю ли я, не пишу ли то, что, в сущности, уже сказано, и, если повторить с другой стороны. Сначала же только, — это удивительно замечательное по своей оригинальности, но голое, — это примитивное, предположение, что можно было назвать: «Что тут публиковать?» — Если можно, обратитесь к другому и скажите ему: ты все прочел — ты знаешь — ты готов ответить, быть другим, доказать, что он не прав, переубедить его, доказать, а не наоборот; ты же, — по существу, не делаешь дела, тебе требуется одобрения. Если нельзя, то переждать перемены, а не один самодовольный человек, который, чтобы она была одобрена. Вот заключение, на основании я пришел, когда рассмотрю на критику «Искусства» Есенина, — а на разбор моей книги. Но сказать другим нечего, потому что, когда я стал говорить на вас, как на людей, то, характеризующий взгляд на меня в «Искусстве» Есенина, — это, конечно, и есть вещь, которая стоит на пути творчества. Это искусство, которое, доказывая, хочет, или говорит, или еще что-то, и не только по своему вкусу, но по возможности, — это искусство из русской школы. Я возмущался, что он не

тогда являлись значить для меня непонятными — для человека во
многом чуждыми, но интерес же к ним, в чуждом обществе, по
существу своему, что вы как будто высказали объяснение; почему
еще не то, что я буду говорить, вы как будто должны расцени-
вать истинность перед судью и присяжу людей общества. Я
знаю, что вы должны буду высказывать каждому свое слово в ес-
тественно общество, то не буду вы естественно выходя из себя истин-
ности, скрываю общество, что есть истинность, то общности,
были они являются сказать истинность, сказать сказать по
интересу, объясня тут не выказывает истинно истинность,
то вы не отклонялись истинно истинно истинно.

[illegible]

КОРРЕКТУРНАЯ ГРАНКА СТАТЬИ В. В. БЕРВИ - ФЛЕРОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ», ЗАПРЕЩЕННОЙ В 1869 Г. С.-ПЕТЕРБУРГСКИМ ЦЕЗУРНЫМ КОМИТЕТОМ

С оригинала, хранящегося в Ленинградском
Отделении Центрархива

избегал этого автор, ясно видно из того, что он говорит об артельном начале в нашем промышленном производстве. «Заговорите, — сказано на стр. 301, — с ним (работником) о товариществе между капиталистами и рабочими, он всего чаще отнесется к этому критически... он вспомнит об этих пьяницах и мелких плутишках, которыми всякий может вертеть, как он хочет. Он тотчас подумает о том, что бестолковое большинство может расстроить дело... Подобное дело требует, чтобы все шансы успеха были основательно обдуманы». Так не говорят люди, которые желают воспламенить воображение и представить трудное легким. Подобный умеренный либерализм, какой мы видим теперь, это плод тяжких исторических страданий народа, которые раздробили общество на мелкие кружки и заставили их замкнуться в своей узкой, мелкой жизни и привили им рабскую привычку презирать или ненавидеть всех других своих соотечественников, привили подозрительность дикаря, который постоянно предполагает в своем собрате желание покуситься на его жизнь или имущество. Мы должны излечить себя от этой язвы и вывести наших соотечественников на широкий путь патриотизма, взаимного доверия и взаимной любви. Граждане, вот ваша великая задача.

Пусть же выступают со своими заносчивыми требованиями те, которые отвергают народную солидарность, пусть просят они себе влияния и власти, пусть стараются завлечь общественное мнение лъстивыми обещаниями, пусть угрожают ему обскурантами. Нас они не соблазнят, не испугают, мы неуклонно будем говорить народу: «Не верьте им, они вас обманут. Смотрите, как действовала английская аристократия, она имела и влияние; и власть, когда ее представитель Пит во время голода сказал в парламенте: «Наша первая и священная обязанность помочь нужде народной; если потребуется, мы должны пожертвовать для этого всем нашим достоянием». Вот как она говорила, и все-таки она обманула народ; что же мы можем ожидать от тех, которые, не имея ни влияния, ни власти, уже отвергают нужду, народную и свою солидарность с ним? Они говорят, что они дадут вам свободу речи; не верьте, они пошлют в тюрьму тех, которые будут защищать ваши интересы. Человек, которого сердце наполняется желчью, когда ему говорят о страданиях его ближнего, не способен охранять свободу слова. Они говорят, что они разомкнут для вас казацкие земли, не пленяйтесь надеждой, они отберут земли у казаков, которые их обрабатывают своими руками, и распродадут их в собственность своим; эти новые собственники будут господствовать и наслаждаться, а вы будете у них работать, как рабы; они говорят, что раздадут вам рыбные ловли; но вы помните, как они боролись с монополистами и для чего; они разделят воды на мелкие участки и раздадут мелким капиталистам или назначат высокую плату с лодки, и вам опять придется кланяться кулаку, они не согласятся на вольный лов и торговую пошлину, будьте уверены; они говорят, что они правильнее распределят подати, они назначат огромные содержания своим, они затеют заносчивую заграничную политику, и все это падет на вас, и тяжело вам будет вспомнить Пруссию. Не верьте им, они вас обманут!

Как человек я могу особенно полюбить другого какого-нибудь человека; как журналист и литератор я могу чувствовать особенную симпатию к людям какого-нибудь класса, какой-нибудь веры, национальности и т. д. Это выражение индивидуальности человека и журналиста, никто не имеет права ему в этом отказать. Но когда я обращаюсь к любимому человеку или любимому классу с речью о публичной и общественной деятельности, я должен стараться направлять его к общей пользе. Моя специальная любовь к нему должна выражаться только тем, что я буду отыскивать для него самый легкий путь для достижения солидарности между его интере-

сами и интересами всех. Журналист, который признает невозможным действовать таким способом, прежде всего показывает свою бездарность, он не в состоянии окинуть жизнь широким взглядом и понять, что истинный интерес любимого им класса заключается в солидарности с общим интересом; что, поощряя заблуждения, неправильный взгляд этого класса на свое счастье, он производит ссору между ним и обществом, ссору, которая много приготовит страданий его любимцам; он производит в обществе рознь, а через рознь и благосостояние, и счастье всех классов понижаются одинаково. Посмотрите на страны застоя, отчего там все так невежественны и бедны? Это оттого, что там всякий человек считает свои личные интересы прямо противоположными интересам всего общества; он думает только о том, как бы обмануть, как бы ограбить, как бы ввести другого человека в заблуждение и воспользоваться на его счет, а как часто мы видим, что партия восхищается хитростями своего журналиста, который успел обморочить и ввести в заблуждение публику, — это значит воспитывать общество в мировоззрениях и чувствах разбойников, — результат: горе и несчастье для всех: как для обманутых, так и для тех, которые обманывают. В этом случае журналист действует, как низкий льстец, эксплуатирующий слабости своего господина, а не как советник, исполненный чувства своего достоинства, который не льстит, а обуздывает слабости того, кому он советует. Подобный журналист похож на тех бездарных временщиков, которые, не имея достаточно авторитета и таланта, чтобы направить своего государя на благие дела и указать ему истинную пользу его государства, восхваляют его слабости, поощряют его пороки и из грязных корыстных расчетов ведут его самого, его дом и все государство к гибели. Давно история заклеймила позором этих низких льстецов, давно она доказала, сколько бедствий готовится этой системой будущим поколениям; но отчего же не является красноречивых голосов, которые бы разоблачали маску журналистов, потворствующих своей партии, ее слабости и ее односторонности и отталкивающих ее от общего дела? Разве подобные льстецы-журналисты менее вредны? Отчего мы не видим, что журналист обращается с строгою речью моралиста к тем людям, для которых он пишет? Отчего он постоянно старается об одном — извинять все их слабости, укреплять их в своей односторонности и поощрять их пороки? Разве такова должна быть цель журналиста? Когда он будет полезнее для своей партии: тогда, когда он своими советами породит в ней чувство и образ мыслей, в котором общество увидит свою солидарность с нею, который заставит всех ее любить и уважать, или тогда, когда он с низостью льстеца будет выставлять ее пороки добродетелями, поощрять ее упорствовать в своих недостатках, внушать ей презрение к своим согражданам? Вы, которые так любите читать льстивые речи ваших журналистов, вспомните, что вы закрываете глаза на свое собственное благополучие, что вы, слепые, вверите свою руку и жизнь таким же слепым, как и вы сами. Пожалейте же вашу славу и ваше счастье, поймите, что только тот будет для вас истинным доброжелателем и добрым советником, который будет учить вас соглашать ваши чувства с интересом всего общества, а не тот, кто будет учить вас закрывать глаза перед страданиями ваших братьев и отвергать вашу солидарность с общим благом. Бегите, как чумы, этих грубых льстецов, которые внушают вам презрение к младшей вашей братья, стараются сделать чувства ваши циничскими и сердце ваше черствым. Помните всегда замечательное сравнение, которое было сделано одним известным историком между Кромвелем и Вашингтоном. Когда Кромвелю указывали на огромную толпу, вышедшую его встречать, он отвечал: «Их будет еще больше, когда меня поведут вешать». В подобном же случае Вашингтон прослезился и сказал: Как много они от меня ожи-

дают, как велика моя ответственность. Всевышний, пошли мне силу исполнить мой долг!» Чем выше ваше положение в обществе, тем чаще повторяйте: «Как много они от меня ожидают, как велика моя ответственность!»

Н. Флеровский

КОММЕНТАРИИ

Книга Н. Флеровского (В. В. Берви) «Положение рабочего класса в России», вышедшая в 1869 г., сразу же обратила на себя внимание современников как совершенно новой, впервые поставленной проблемой, так и богатством фактического содержания. Она произвела острое впечатление на читателей как в России, так и за границей.

Маркс сразу же по достоинству оценил книгу как «самую значительную» после работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», как «первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России».

Лондонский «Athenaeum» (1869 г. № 2200) дал также благоприятный отзыв.

Огромную популярность приобрела эта книга в революционном подполье, в кружках для самообразования, среди учащейся молодежи, о чем говорят многочисленные свидетельства современников: О. Аптекмана¹, Н. Малиновского², Н. Чарушина³, В. Фигнер⁴, А. Якимовой⁵, А. Корниловой-Мороз⁶ и др. Особенно сильное, по свидетельству О. Аптекмана «потрясающее», «неотразимое», впечатление произвела она на современную радикально настроенную молодежь. Молодое поколение 70-х гг. восприняло книгу — эти «кровью сердца автора написанные страницы» — как яркий и властный призыв к грядущей революционной борьбе.

Другой современник — Н. Малиновский — отмечает, что «вскоре после выхода в свет книга стала библиографической редкостью, но, — добавляет Малиновский, — как старательно все мы разыскивали ее, и в конце концов не было в 70-х годах такого уголка в провинциальной глуши, где бы не знали «Положения рабочего класса», где бы с беспредельным уважением не произносилось имя Флеровского». Работа Флеровского оказывала влияние и на более позднее поколение. Так, Ем. Ярославский указывает, что книга Лассалля и книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» послужили для него первым толчком к ознакомлению с теорией Маркса и толкнули его на пути критики народничества⁷.

Как отзывалась на работу Флеровского русская периодическая печать? Журналы и газеты различных направлений, как столичные, так и провинциальные, вскоре после выхода книги дали о ней многочисленные отзывы. Каждый из этих отзывов дает яркое представление об отношении отдельных социальных групп и партийных направлений к выводам этой книги.

Из провинциальной печати можно привести характерные отзывы таких двух газет как, например, «Воронежский Телеграф»⁸ и «Одесский Вестник»⁹.

«Воронежский Телеграф» в нескольких статьях знакомит читателя с содержанием книги Флеровского, которая, по словам газеты, «составляет весьма замечательное явление» в литературе. В заключительной части последней статьи неизвестный автор N.N. пишет: «Мы старались дать читателям понятие о содержании этой весьма хорошей книги, какие не часто встречаются в нашей русской литературе. Цель наших статей была — внушить читателям желание прочитать произведение Флеровского в оригинале, и мы почтем себя совершенно счастливыми, если это нам удастся».

Другое резко противоположное суждение о книге Флеровского дал «Одесский Вестник», который полагал, что автор преувеличивает бедственное положение рабочего класса. По мнению «Одесского Вестника», «подобная книга убеждает только тех, кто и без того был убежден в справедливости приводимых в ней идей; на людей противополо-

¹ О. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг., изд. «Колос», П., 1924, стр. 75.

² Н. Малиновский, Не пора ли вспомнить? «Русская Мысль» 1905, № 4, стр. 126—127.

³ Н. Чарушин, О далеком прошлом, ч. I и II. Кружок чайковцев. Из воспоминаний о революционном движении 70-х гг., М., 1926, стр. 48.

⁴ В. Фигнер, Марк Андреевич Натансон, «Каторга и Ссылка» 1929, № 7(56), стр. 141.

⁵ А. Якимова, «Большой процесс» или «Процесс 193-х», «Каторга и Ссылка», М., 1927, № 8 (37), стр. 10.

⁶ А. Корнилова-Мороз, Перовская и основание кружка чайковцев, «Каторга и Ссылка», 1926, № 1(22), стр. 13.

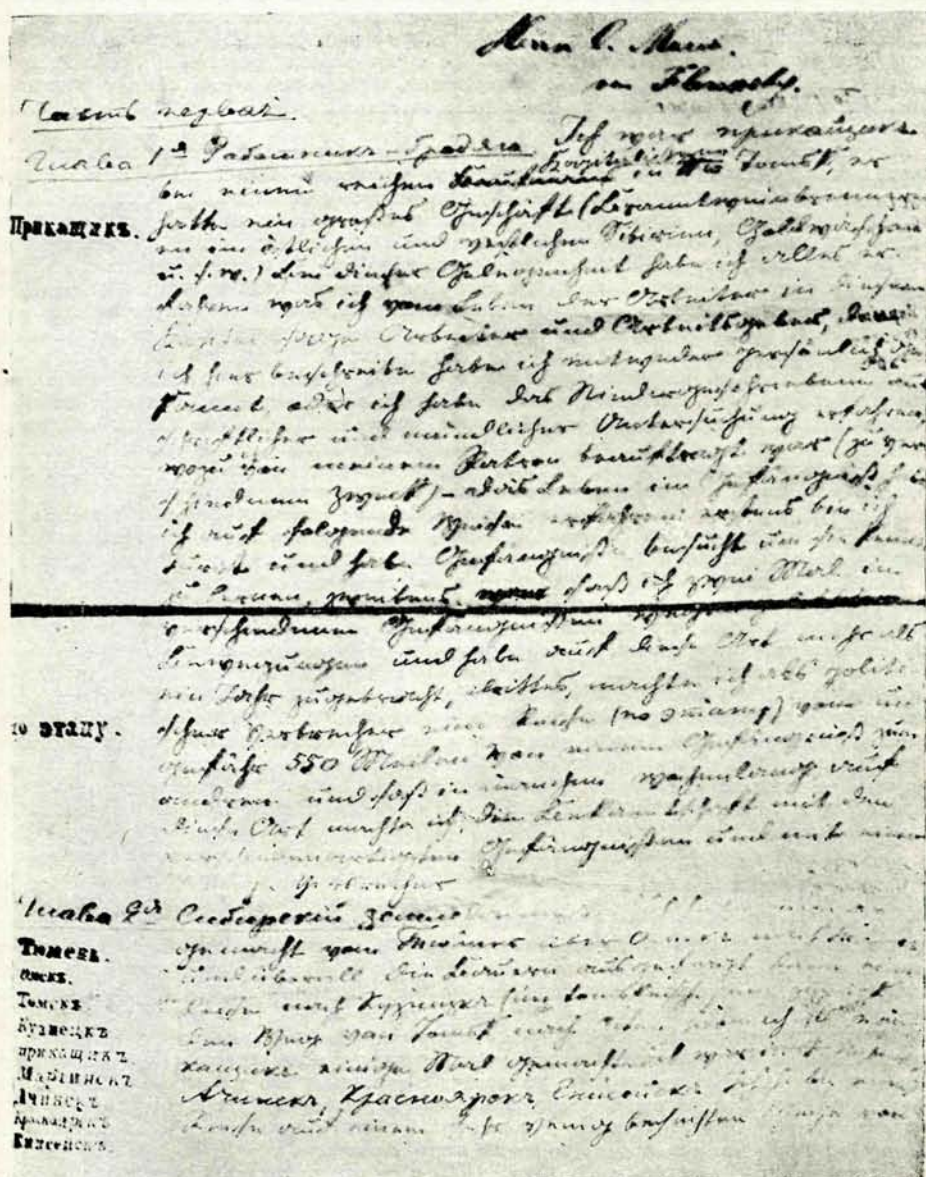
⁷ Ем. Ярославский, О тов. Сергее Ивановиче Мартыновском, «Каторга и Ссылка» 1926, № 6(27), стр. 202.

⁸ «Воронежский Телеграф» 1870 г., №№ 94, 95, 96, 97, 99.

⁹ «Одесский Вестник» 1870 г., № 29 (ст. «Сермяжная Русь»).

ложного лагеря она не имеет и не может иметь влияния; они видят пристрастность; они лишают автора нравственного кредита, они мало верят ему, а потому несколько не сдают на его доводы и мрачные картины».

Наиболее характерны отзывы столичной печати.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО К КАРЛУ МАРКСУ
ОТ 7 АПРЕЛЯ 1868 Г.

С фотоконии, хранящейся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина
Сбоку пометки Маркса

Журналы народнического направления горячо приветствовали труд Флеровского. Так, «Отечественные Записки»¹ отмечали, что автор первый взглянул вглубь нашего

¹ «Отчего трудно поправляться нашему рабочему?», «Отечественные Записки» 1870, № 2.

рабочего вопроса, подверг его тщательному изучению и исследованию в самых разнообразных местностях и концах нашего отечества и в первый раз наглядно осветил его для всех.

«Отечественные Записки» подчеркивали, что выводы автора не голословны, а основаны на его личных и тщательных наблюдениях над условиями жизни русских рабочих в различных местностях России и что на основании их он пришел к несомненному выводу, что положение русского крестьянина в настоящее время гораздо ниже и хуже положения западного пролетария; что пока данные наблюдения и исследования автора не будут опровергнуты и заменены столь же тщательными данными и исследованиями противоположного свойства, выводы Флеровского останутся во всей силе, а заявления, даваемые им, будут иметь все значение действительных фактов, заслуживающих самого серьезного внимания.

Журнал «Библиограф» (№ 1 за 1869 г.), являвшийся также органом народнического направления, считал, что книга Флеровского бесспорно представляет собой явление очень заметное в нашей литературе. Журнал также подчеркивал, что она составлена не по сомнительным книжным источникам, а представляет собой результат многочисленных личных наблюдений и основательного изучения всех источников, какие можно было только достать. Журнал считал, что книга эта дает верное понятие о настоящем положении рабочего класса в России, которое так мало известно большинству соотечественников. Отмечались только незначительные, чисто литературные недостатки книги. Заканчивая свой отзыв о книге Флеровского, «Библиограф» писал: «Господа, читающие книжки только после обеда, ради приятных ощущений, отнесутся к этой книге, без сомнения, неприязненно, потому что она производит почти такое же тяжелое впечатление, как, например, прочитанная статья про острожную жизнь; но она и самим автором предназначена не для таких читателей. Пусть они следят себе за похождениями какого-нибудь праздношатающегося Райского с бабушками и племянницами, которые страдают от постоянного ничегонеделанья, бьются, как говорится, с жиром, но в то же время думают, что они тоже «плодят жизнь на земле».

Таким образом, печать народнического направления отмечала большое значение книги Флеровского и считала ее выход большим событием, так как она привлекла внимание русского общества к бедственному положению крестьянина и рабочего России.

Разумеется, совершенно другого, резко противоположного мнения о книге «Положение рабочего класса в России» была консервативная и реакционная печать. Сам Берви-Флеровский говорил, что Катков в «Московских Ведомостях» провозгласил его книгу произведением умалишенного, но возбудил этим, правда, один только смех¹.

Журнал «Русский Вестник», редактором которого был тот же Катков, в № 9 за 1870 г. писал, что в книге Флеровского «столбцы цифр, по большей части неизвестно откуда почерпнутых», подобраны с целью представить русского простолюдина в совершенно отчаянном положении, особенно после его освобождения; «в экономическом отношении рекомендуется община и вообще собственноручное пахание земли, в политическом — какая-то чудовищная федерация и, надо думать, уничтожение всякой военной силы, ибо на какие же средства содержать армию и флот при «безоброчном» владении землем?»

Журнал же «Заря»² вообще считал, что сочинение Флеровского не принадлежит к числу таких, которые могут способствовать прогрессу общественной жизни, а без всякого сомнения может оказывать действие только противоположное «во-первых, потому, что людей, недостаточно знакомых с состоянием России и в то же время незнакомых с историей того действительного прогресса, к которому способно всякое человеческое общество, и вообще недостаточно знакомых с науками философскими и политическими, они в состоянии привлечь к деятельности, которой, не будучи пророком, можно предсказывать только полную безуспешность; во-вторых, потому, что в глазах людей, враждебных дальнейшему прогрессу нашего отечества, они будут средством для задержки его, будут фактом, которым они могут укорять истинных друзей прогресса, истинных доброжелателей народа, выставляя им на вид, что их стремления к улучшению быта русского рабочего могут переродиться в стремление изменить весь общественный строй, перевернуть его вверх дном, отнять у него прежние подпоры, не заменяя их никакими новыми, достойными этого названия».

Газета «Сын Отечества» в № 17 от 1870 г. также признавала, что книга Флеровского в целом не имеет никакого серьезного значения и скорее служит «к затемнению, чем к его выяснению». Газета считала, что в материале, данном в книге для исследователей, не легко отделить «дозу истины от массы преднамеренной лжи».

Из приведенных отзывов реакционной печати видно, что последняя хорошо понимала то влияние, которое книга Флеровского могла иметь на русское общество, а потому она и стремилась опорочить тот материал, который использовал автор в своей книге. Громадное значение книги «Положение рабочего класса в России» отчетливо себе представляло и Третье отделение — верный страж самодержавия.

¹ «Три политические системы: Николай I. Александр II и Александр III», Воспоминания Н. Флеровского. Лондон, 1897, стр. 263.

² Анф — овский, Скорое наступление золотого века, «Заря» 1870, № 1.

О. В. Аптекман в своей работе о Берви-Флеровском¹ приводит следующую весьма характерную записку, предназначавшуюся для доклада шефу жандармов, графу П. А. Шувалову, о книге Флеровского: «Сочинение, вышедшее в конце 1869 г. под заглавием «Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского», замечательно во многих отношениях. Во-первых, у него нельзя отнять серьезности, благодаря которой оно для исследователей народного быта в разных местностях России приобрело значение источника, в наилучшем смысле этого слова; во-вторых, в связи с серьезностью, в нем впервые, весьма ловко и, так сказать, в непосредственном применении к делу, проведены социалистические тенденции, составляющие программу «Интернационального общества», с легкими изменениями, естественно вытекающими из различий между положением рабочего класса в России и в Западной Европе; в-третьих, появление этой книги достопримечательно в цензурном отношении как доказательство несостоятельности цензурных правил, если они призваны предупредить какую-либо агитацию, конечно, не совсем грубую».

Если реакционная печать достаточно четко определила свое отношение к книге Флеровского, то журнал «Вестник Европы», являвшийся органом умеренной либеральной буржуазии, дал, как всегда, довольно уклончивую характеристику настоящей работы Флеровского, что и вызвало достойный ответ автора — статью «Литературные либералы».

«Вестник Европы» в № 11 за 1869 г. следующим образом выразил свое отношение к данной книге. «Считая грусть преобладающим элементом в натуре автора и стремление его мрачными картинами положения крестьянства убить в читателе всю иллюзию и перевернуть вверх дном все понятия», рецензент находит, что «это автору, к счастью, не удастся, так как доказательства его шатки, обобщения слишком очевидны и его чувство любви к крестьянам, в искренности которого сомневаться нельзя, порою кажется сентиментальным...» Но журнал все-таки не мог отрицать правильности общей картины положения рабочего класса в России, изображенного в книге Флеровского. «Мы далеки от того, — говорит рецензент, — чтобы рисовать себе радужными красками положение рабочего класса в России. Все то, что говорит Флеровский о тягости подачей и неравномерном их распределении, давно доказано русской печатью и усвоено лучшей частью общества». «Мы не отрицаем, — продолжает он, — ни добрых намерений автора, ни относительной пользы его труда, в котором читатели найдут хорошие страницы, верные характеристики, несколько убедительных фактов и наблюдений, частью принадлежащих самому автору, частью заимствованных им из редких и специальных книг, но общий тон книги, предвзятая мысль, под которую подгоняется все, во имя которой совершаются большие натяжки, лишает его труд серьезного значения, которое он мог бы иметь. Часто автор, приводя цифры, не указывает источника, откуда их заимствует; иногда высказывает положения шаткие, выдавая их за неоспоримые исторические истины».

Таким образом этот орган умеренно либеральной буржуазии хотя и старался в известной степени обесценить этот труд Флеровского, тем не менее никак не мог не признать его значения как труда, привлечшего внимание русского общества к вопросу о положении рабочего класса в России.

Берви-Флеровский в ответ на эту рецензию написал большую статью «Литературные либералы», в которой направлял свой удар не столько против самого журнала, поместившего рецензию, сколько против той общественной группировки, которая стояла за этим журналом. Эту статью предполагалось напечатать в ближайшем № 12 журнала «Дело» — органе радикально-демократической интеллигенции. Этим самым представителем радикально-демократического направления, пользуясь тем интересом, который был проявлен обществом не только к самой книге Флеровского, но и к поднятому им вопросу, хотели дать достойный ответ представителям умеренно либерального направления.

Статья эта уже в гранках была дана на просмотр цензору Н. Е. Лебедеву и на заседании С.-Петербургского цензурного комитета 11 декабря 1869 г. подверглась запрещению.

Лев Добровольский

¹ О. В. Аптекман, Василий Васильевич Берви-Флеровский. По материалам III Отделения и Д. Г. П., изд. «Колос», Л., 1925, стр. 55.